
– ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА –

УДК 811.554

М. П. Лукина

Модальные значения, выраженные формами прошедшего времени изъявительного наклонения в юкагирском языке

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Аннотация. Объектом исследования является категория языковой модальности, выражающая: 1) отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания; 3) отношение субъекта действия к действию. В статье рассматривается система изъявительного наклонения, как средство выражения отношения высказывания к действительности, передающего соответствие содержания высказывания действительности (реальности). В свете категории модальности рассмотрена форма времени – аорист (настояще-прошедшее) изъявительного наклонения. Актуальность исследования по материалам юкагирского языка определяется тем, что, наряду с достаточно выстроенным теоретическим описанием категории модальности в работах отечественных и зарубежных исследователей, данная категория остается неизученной в системе юкагирского языка. Целью исследования является изучение системы изъявительного наклонения – как средство выражения отношения высказывания к действительности, передающего соответствие содержания высказывания действительности (реальности). Достижение данной цели предполагает решения следующих задач: а) определение категории модальности в лингвистике; б) определение круга значений, входящих в сферу модальности в юкагирском языке; в) рассмотрение системы аориста (настояще-прошедшего времени) времени изъявительного наклонения в юкагирском языке. За методологическую базу принят теоретический постулат известного русского лингвиста, академика В.В. Виноградова, который для выявления модальных значений исходил из широкой трактовки модальности. Исследование проводилось на основе функционально-семантического анализа собранного материала, который опирается на теорию функциональной грамматики проф. А.В. Бондарко, в рамках которой объединяются различные языковые средства – морфологические, лексические, лексико-грамматические, синтаксические – на базе общности их функций. Применялись структурно-семантический описательный метод для установления структуры предложения и систематики его элементов, функционально-семантический анализ, метод компонентного анализа, а также конструктивный метод при понимании языка как динамической системы, обеспечивающей порождение модальных речевых высказываний.

Ключевые слова: юкагирский язык, категория модальности, функционально-семантическое поле, наклонения глагола, предложение, высказывание, изъявительное наклонение, ремо-субъектная форма спряжения глаголов, ремо-предикативная форма спряжения глаголов, ремо-объектная форма спряжения глаголов.

ЛУКИНА Маргарита Петровна – к. филол. н., н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: margarita-lukina@yandex.ru

ORCID 0000-0002-6618-0222

LUKINA Margarita Petrovna – Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

М. П. Лукина

Modal meanings expressed by the forms of the past tense indicative mood in the Yukaghir language

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract. The object of the research is the category of linguistic modality, which expresses: 1) the attitude of the utterance to reality from the point of view of the speaker; 2) the speaker's attitude to the content of the utterance; 3) the attitude of the subject of action to action. The article examines the system of the indicative mood as a means of expressing the attitude of the utterance to reality, conveying the correspondence of the content of the utterance to reality (reality). In the light of the category of modality, the form of tense is considered – aorist (present-past) indicative mood. The relevance of the study based on the materials of the Yukaghir language is determined by the fact that, along with a sufficiently built theoretical description of the category of modality in the works of domestic and foreign researchers, this category remains unexplored in the system of the Yukaghir language. The aim of the research was to study the system of the indicative mood – as a means of expressing the attitude of the utterance to reality, conveying the correspondence of the content of the utterance to reality. Achieving this goal involves solving the following tasks: a) determining the category of modality in linguistics; b) determination of the range of meanings included in the sphere of modality in the Yukaghir language; c) consideration of the aorist system (present-past tense) of the indicative mood in the Yukaghir language. The theoretical postulate of the famous Russian linguist, academician V.V. Vinogradov, who, in order to identify modal meanings, proceeded from a broad interpretation of modality. The research was carried out on the basis of a functional-semantic analysis of the collected material, which is based on the theory of functional grammar by prof. A.V. Bondarko, within which various linguistic means – morphological, lexical, lexical-grammatical, syntactic – are combined on the basis of the commonality of their functions. The structural-semantic descriptive method was used to establish the structure of the sentence and the systematics of its elements, functional-semantic analysis, the method of component analysis, as well as the constructive method in understanding the language as a dynamic system that ensures the generation of modal speech statements.

Keywords: Yukaghir language, category of modality, functional-semantic field, moods of a verb, sentence, utterance, indicative mood, remo-subject form of verb conjugation, remo-predicative form of verb conjugation, remo-object form of verb conjugation.

Введение

Трудность определения категории модальности заключается в том, что именно вследствие сложности этого понятия ему трудно дать достаточно «ёмкое» определение, которое отражало бы основные из заключенных в нем значений. Наиболее общим определением понятия языковой модальности могло бы быть её рассмотрение как категории, выражающей отношение содержания высказывания (или действия) к действительности. Однако это определение неполное, поскольку не включает многих оттенков модальных значений. В более развернутой форме, в какой дается определение категории модальности, например, Г.А. Золотовой, оно включает следующих три значения: 1) отношения высказывания к действительности с точки зрения говорящего; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания; 3) отношение субъекта действия к действию. Все три вида модальных значений не исключают, а дополняют друг друга, поскольку они связаны друг с другом и входят в общее понятие модальности [1, с. 55]. Л.С. Ермолаева различает две основные модальности – «внутреннюю» и «внешнюю». Под «внутренней» модальностью понимается отношение субъекта действия к совершаемому им действию. Под «внешней» – отношение содержания предложения к действительности в плане реальности-нереальности (I тип) и степень уверенности говорящего в сообщаемых им фактах (II тип). Легко заметить, что и в данной формулировке выделяются три значения модальности, аналогичные значениям, приведенным Г.А. Золотовой. Все три вида модальных значений не исключают, а дополняют друг друга, поскольку они связаны друг с другом и входят в общее понятие модальности [2, с. 97]. Сходство в определении категории модальности и разграничении ее видов у данных авторов проявляется, кроме того, в сходстве

отбора средств выражения, выделенных им трех видов модальности. Основным средством выражения отношения субъекта действия к действию авторы считают модальные глаголы; средством выражения отношения высказывания к действительности – формы наклонения, а основным средством выражения отношения говорящего к содержанию высказывания – модальные слова, типа «конечно». Как само определение категории модальности, предлагаемое данными авторами, так и сделанный ими отбор способов выражения трех типов модальных значений представляются правильными.

Наряду с пониманием языковой категории модальности как отношения содержания высказывания (или действия) к действительности, существует и более широкое, представленное несколькими вариантами. Так, в качестве модальных выделяются значения, в основе которых лежит целенаправленность, функциональность высказывания, т.е. значения повествования, вопроса или побуждения. Кроме того, к числу модальных значений относят эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к содержанию высказывания. Например, Ш. Балли придает значение эмоционально-оценочному фактору и поэтому к числу модальных глаголов, образующих вместе с модальным субъектом модус, выражающий модальность предложения, относит глаголы, передающие различные оттенки суждения, чувства или воли, например, такие, как *savoir* «узнать», *affirmer* «утверждать», *pretender* «претендовать», *croire* «верить», *nier* «отрицать», *contester* «оспаривать», *douter* «сомневаться» [3, с. 44].

В связи с вопросом о модальном значении нельзя не остановиться и на определении категории модальности В.В. Виноградовым, поскольку оно оказало большое влияние на отношение многих лингвистов к категории модальности. В.В. Виноградов указал на необходимость «проводить принципиальную четкую грань между разными эмоциональными формами реакции на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности...», допуская при этом, что обе сферы речевых явлений находятся между собой в тесном взаимодействии [5, с. 62]. Однако, в этой же работе В.В. Виноградов в значительной степени расширил понятие модальности за счет включения слов и сочетаний слов эмоционально-экспрессивного характера в число средств, передающих модальные значения. Это можно видеть в формулировке категории модальности: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложений и выражающих одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [5, с. 66], а также в перечислении индикативных сочетаний, «обозначающих модальную оценку», куда помимо слов с модальным значением возможности, долженствования т.п., попадают слова, «выражающие эмоциональную характеристику действия». Следует отметить, однако, что, подчеркивая важность вопроса о лексическом обозначении состояний, отношений, оценок, связанных с категорией модальности, поскольку они могут быть приспособлены к выражению модальности высказывания, В.В. Виноградов указывает, что модальность, передаваемая этими вводными синтагмами, совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката [5, с. 66-67].

Помимо различий в определении значения понятия модальности существуют расхождения во взглядах на категориальную принадлежность этого понятия. Разными авторами модальность определяется как грамматическая, синтаксическая или семантическая категория. Р.А. Будагов, например, говорит о модальности как о грамматической категории [4, с. 294]. Л.С. Ермолаева считает модальность синтаксической категорией, отмечая, что за пределами синтаксической модальности остаются лексические средства [2, с. 87]. Модальность справедливо рассматривают как семантическую категорию В.В. Виноградов [5, с. 57], Г.В. Колшанский [9, с. 97], И.Б. Хлебникова [12, с. 9], поскольку модальное содержание может быть выражено различными языковыми средствами. К ним относятся грамматические (морфологические) средства (наклонения), лексические (модальные слова), лексико-грамматические (модальные глаголы) и интонационные. Это делает определение языковой модальности на основании формальных средств выражения очень сложным.

Глагол является наиболее сложной, грамматически организованной, отвлеченной и в то же время наиболее полно отражающей действительность, категорией языка. В глаголе лексическая многозначность совмещается с богатством и разнообразием грамматических форм. К глаголу как к организующему центру притягиваются частицы речи. Глагол органически связан с категориями модальности, эвиденциальности, времени и вида, с категориями субъекта (лица) и объекта.

Формы наклонения глагола, обладая наглядными морфологическими показателями, послужили основой для открытия и разработки теории языковой модальности в науке. Первоначально было сделано сравнение по аналогии между суждением и предложением, логическим предикатом и сказуемым, что подсказало терминологически связать наклонения глагола с модальностью суждения и за их семантической функцией закрепить понятие языковой модальности. Поэтому с самого начала в основу грамматической модальности положены значения наклонений глагола. Однако, под категорией модальности подразумевается не только сумма значений, свойственных наклонениям, но выражаемых, помимо наклонений и другими средствами языка. Во всех языках из различных средств выражения языковой модальности исследователи в первую очередь обращали внимание на наклонения, особенно на их морфологические формы. Они наиболее глубоко разработаны в языкознании и поныне представляют собой центральную категорию, признаки которой положены в основу понятия модальности и даже в отдельных случаях, в известной мере, сковывают дальнейшее развитие теории модальности. Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом.

В. И. Иохельсон в юкагирском языке выделял 10 наклонений: изъявительное, повелительное, желательное, сослагательное, условное, супин, совершенное, потенциальное, очевидное и начинательное [6, с. 169-175]. Е.А. Крейнович вначале выделял 7 наклонений: изъявительное, повелительное, сослагательное, желательное, несомненное, долженствовательное, очевидное [7, с. 124-127]. Однако, в последней своей работе Е.А. Крейнович выделил 12 наклонений: изъявительное, неочевидное, сослагательное, наклонение предстоящего действия, долженствовательное, желательное, повелительно-побудительное, просительно-неопределенное, вопросительное, наклонение сочувствия и достигательное [8, с. 140-152]. Г.Н. Курилов выделяет 8 форм наклонений: изъявительное, повелительное, сослагательное, желательное, очевидное, долженствовательное, обязующее и предположительное. Г.Н. Курилов считает, что изъявительное наклонение выражает реальность течения действия: «В нем сообщение о действии является прямым отражением действительности, поэтому изъявительное наклонение некоторыми специалистами называлось «нулевой грамматической категорией»». Далее, Г.Н. Курилов говорит о том, что «... наклонение... считается основным способом выражения модальности» [10, с. 152-163]. По своей структуре формы наклонений глагола в юкагирском языке разделяются на синтетические, аналитические и агглютинативные. В юкагирском языке, как и в других языках, категория наклонения связана с категорией времени. Наиболее тесно связано с категорией времени изъявительное наклонение, которое может изменяться в аористе и будущем временах. Наклонение в юкагирском языке представляет собой глагольную форму, в которой выражено отношение говорящего к действительности. Другими словами, формы наклонений в юкагирском языке передают модальное отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности-нереальности. Если говорящий представляет себе событие, как явление реальное, то глагол принимает форму изъявительного наклонения. Если же представление о событии выпадает из плана реальности, то в зависимости от ситуации сообщение может быть выражено в форме наклонения сослагательного, условного, долженствовательного, вопросительного, просительно-неопределенного, неочевидного и т.д.

В формах изъявительного наклонения никак не выражено эмоционально-волевое отношение субъекта к действию. Формы изъявительного наклонения «объективны». Модальность этого наклонения именно в том моменте грамматического значения, по которому сообщение о действии, то есть содержание сказуемого и через него всего предложения, говорящим лично представляется, оценивается как достоверное отражение действительности. Другими словами, формы наклонений передают модальное отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности – ирреальности. Если говорящий представляет себе событие, как явление реальное, то глагол принимает форму изъявительного наклонения. Если же представление о событии выпадает из плана реальности, то в зависимости от ситуации сообщение может быть выражено в форме наклонения повелительно-побудительного, сослагательного, наклонения намерения, неочевидного и др. Форма наклонения и модальность соотносятся как часть и целое. Наклонение глагола входит в категорию модальности.

Модальные значения изъявительного наклонения

Основным средством выражения индикативной модальности в юкагирском языке, т. е. модального значения, передающего соответствие содержания высказывания действительности (реальности), является изъявительное наклонение (индикатив). Изъявительное наклонение отличается от других наклонений тем, что утверждает факт осуществления или неосуществления глагольного действия. При этом это наклонение является более нейтральным по отношению категории модальности, т. е. не содержит оценки действия (желательности, возможности, предположения) с точки зрения говорящего лица. В юкагирском языке изъявительное наклонение выражает действие как реально происходившее, происходящее, либо как такое, которое произойдет в будущем.

Изъявительное наклонение юкагирского языка имеет формы настоящего-прошедшего (аорист) и будущего времени. Прошедшее время имеет: 1) нулевую форму (ремо-субъектная форма спряжения), причем то или иное значение глагольной словоформы определяется значением основы либо контекстом; 2) прошедшее время выражается основой глагола, оформленной личными окончаниями утвердительно-предикативной или утвердительно-объектной форм спряжения: *мэт мэ пуньин* «я убил»; *мэт илэлэ пуньмэн* «я убил оленя».

Настоящее время образуется посредством аспектуально-временного суффикса **-ну**. Суффикс **-ну** образует также форму длительности способа действия: *Мэ мэдьим* «взял-он»; *мэ мэньнум* «берет он»; *мэт мэр уунуйэн* «я иду»; *мэт мэр айинун* «я стреляю»; *ньяачинь чиллэ кэлуйунул* «навстречу люди идут» (язык тундрных юкагиров, далее ЯТЮ); *тит номохо энмэлэ эл кэчинумэт?* «Вы отчего ничего не приносите?»; *Таат эдьут эвриэундэлы* «Так живя, кочуем» (язык лесных юкагиров, далее ЯЛЮ). Таким образом, к выражению значений прошедшего и настоящего времен самое непосредственное отношение имеют формы длительности способов действия.

Будущее время образуется посредством суффиксов **-т**, **-тэ**, которые присоединяются к основе глагола: *мэ мэдьит* «возьму – я»; *мэ мэнтэм* «возьмет – он» (ЯТЮ); *Мэт лочил кэит* «Я огонь дам»; *Мэт танидэ хонтэйэ* «Я туда пойду» (ЯЛЮ).

Прежде чем рассмотреть спряжение глаголов, следует сказать, что грамматика юкагирского языка ориентирована на выражение коммуникативной структуры предложения: закономерности употребления всех основных категорий глагола и имени подчиняются задачам актуального членения на тему и рему с точки зрения существенности передаваемой информации. Другой отличительной чертой юкагирского языка является наличие трех типов спряжения: субъектного, предикативного и объектного.

И. А. Николаева, Е. А. Хелимский выделяют четыре типа спряжения глаголов: интранзитивный, транзитивный, ремо-предикатный и ремо-объектный. Каждый из типов характеризуется специфическим набором личных окончаний. Выбор одного из типов спряжения определяется переходностью глагола и тем, какой из членов предложения является его ремой [11, с. 155]. Переходный глагол имеет особую систему спряжения, отличную от системы спряжения непереходного глагола. Только в тех случаях, когда переходный глагол имеет форму

возвратного, взаимного и страдательного залога или же отрицательную форму, он спрягается, как непереходный глагол. В. И. Иохельсон, который проводил исследования по юкагирскому языку в дореволюционное время считал, что глагол в юкагирском языке имеет два времени: совершенное (настояще-прошедшее) и несовершенное (будущее) [6, с. 169]. Е. А. Крейнович, который занимался изучением юкагирского языка с 1940-х гг. в своей работе «Юкагирский язык», дает характеристику следующим грамматическим категориям: залогу, виду, наклонениям. Временные значения глаголов обозначил «аористом» и будущим временем [7, с. 131-140]. В последней своей работе «Исследования и материалы по юкагирскому языку» глаголы им спрягаются в настояще-прошедшем и будущем временах [8, с. 191-212].

Глаголы в настояще-прошедшем времени (аорист)

Непереходные глаголы в ремо-субъектной форме. Актуальное членение предложения, точнее, выделение важных частей высказывания, в юкагирском языке реализуется грамматическими показателями субъекта и показателями, имеющими свойства предиката, иными словами, сообщение о новом осуществлено посредством различного грамматического оформления главных членов предложения. Со стороны содержания ремо-субъектная форма спряжения характеризуется тем, что логическое ударение сосредотачивается на субъекте действия. С формальной стороны это выражается в том, что глагол не принимает префикса *-мэ* и личных окончаний. Вместо последних основа глагола оформляется суффиксом *-л*. Субъект же принимает форму на *-эк*: *Мэтэк хусэйл* «я прыгал», *Тэтэк хусэйл* «Ты прыгал», *Тудэл хусэйл* «Он прыгал», *Митэк хусэйл* «Мы прыгали», *Титэк хусэйл* «Вы прыгали», *Титтэк хусэйну* «Они прыгали».

Непереходные глаголы в ремо-субъектной структуре предложения, не имея личных окончаний, координируются с подлежащим порядком слов; только в 3-м лице множ. числа оно принимает основообразующий суффикс *-ну* (ЯТЮ), *-ни* (ЯЛЮ).

Глагол – прилагательное в ремо-субъектной форме. Глагол – прилагательное в ремо-субъектной форме, отвечая на вопрос типа «*Кинэк вэрвэл?*» «Кто сильный?» и раскрывают признак, выраженный глаголом-сказуемым: *Мэтэк амуол* «Мы хорошие», *Тэтэк амуол* «Вы хорошие» и т.д. В связи с этим в предложении, служащим ответом на вопрос, логическое ударение сосредотачивается на подлежащем, которым в данном случае раскрывается носитель признака. Подлежащее оформляется показателем *-эк*, а в роли сказуемого выступает глагол-прилагательное, не выражающий логического ударения.

Глагол – числительное в ремо-субъектной форме отвечают на вопрос типа: *Кинэк моорхуолэл?* «Кто один (был)?» *Мэтэк моорхуолэл?* «Я один (был)». Глаголы-числительные в этой форме спрягаются как непереходные глаголы и как глаголы-прилагательные в ремо-субъектной форме.

Предметный непереходный глагол в ремо-субъектной форме. От основы каждого имени существительного посредством суффикса *-но*, означающего «быть» образована основа предметного непереходного глагола со значением «быть тем, что указано основой имени существительного, от которой образован данный глагол». Предметным непереходным глаголом выражается представление о том, что подлежащему присуще какое-либо предметное свойство, пример: *Мэтэк тэт эньюнгольэл*. «Я твоя мать».

Переходные глаголы в ремо-субъектной форме. Глаголы, обозначающие действие, предполагающее наличие объекта, в отношении которого оно было или может быть применено, являются переходными. Форма этого спряжения отвечает на вопросы типа *Кин виэ?* «Кто сделал?» *Кин айи?* «Кто стрелял?». Со смысловой стороны форма этого спряжения характеризуется тем, что логическое ударение концентрируется на подлежащем. Грамматически это выражается тем, что глагол не принимает ни личных окончаний, ни суффикса *-мэ*. Освобожденный от всех своих основных и важнейших грамматических средств выражения предикативности, глагол в этом случае выступает как бы в качестве побочного второстепенного признака подлежащего, которое выражается личным местоимением или именем существительным, пример: *Мэт виэ* «Я сделал». *Мэт сусэй* «Я бросил». *Тэт виэ* «Ты сделал». Другими словами, неформальность переходного глагола показывает о логическом выделении подлежащего.

Таким образом, глагол – сказуемое прошедшего времени в ремо-субъектной структуре предложения не обладает репрезентативно-номинативной функцией. Это сказуемое не принимает на себя логического ударения. В предложении, в грамматическом и смысловом отношениях, занимает ослабленную позицию.

Глаголы в ремо-предикативной форме. Со смысловой стороны ремо-предикативная форма характеризуется тем, что логическое ударение в предложении сосредотачивается на глаголе. Грамматически это выражается тем, что глагол оформляется префиксом *-мэ(р)* и личными окончаниями, имеющими три формы в зависимости от конечного звука основы спрягаемых глаголов.

Непереходный глагол в ремо-предикативной форме.

Мэт мэр ууйэнг «Я ходил», *Тэт мэр ууйэк* «Ты ходил», *Тудэл мэр ууй* «Он ходил», *Мит мэр ууйэли* «Мы ходили», *Тит мэр ууйэмут* «Вы ходили», *Титтэл мэр ууни* «Они ходили». Типы окончаний ремо-предикативной формы спряжения непереходных глаголов обусловлены конечными звуками корней и основ. После глагольных корней и основ, оканчивающихся на гласный, употребляются окончания: *-йэн -йэк, -й, -йэли, -йэмут, -ни*. После отглагольных основ, оканчивающихся на *-й*, употребляются окончания: *-чэн, -чэк, -ч, -чэли, чэмут, -ни*. После глагольных корней и основ, оканчивающихся звуками *-н, -л, -дъ* (на согласные), употребляются: *-дъэн, -дъэк, -ни, (нь), -дъэм, -дъэмут, -ни*.

О функции префикса – мэ, выражающего утверждение. Употребление префикса – *мэ(р)* при утверждении не всегда обязательно, пример: «*Мэт эмдъэнэн чаманэн пунуолнундъэли, моннундъэли: мэ лэвдэтчэли*». «Я с младшим братом очень радовались, говорили «есть будем». Здесь глаголы *пунуолнундъэли, моннундъэли* префикса *-мэ(р)* не имеют. В другом примере: «*Идъилвэй – мирийэ лачилгинь кэвэч. Идилвэя – жена по дрова ушла*». Глагол *кэвэч* также не имеет префикса – *мэ*. «*Чаарчахаан лалимэ тудиэрэн мэ кэвэч. Тяртекан, нарту волоча, ушел*». Тот же глагол *кэвэч* употребляются с утвердительным префиксом *-мэ*.

Отрицательная форма непереходных глаголов отличается от утвердительной формы главным образом тем, что вместо префикса *-мэ* оформляется префиксом *-эл*, выражающим отрицание: «*Мэт эл ууйэнг. Я не ходил. Тэт эл ууйэк. Ты не ходил*». В отрицательной форме спряжения 3-е лицо ед. числа не принимает личных окончаний. В юкагирском языке в качестве самостоятельного предикативного отрицания употребляется глагол “эвлэ” “не быть”: *Мэт конмэ угурчэ эвлэ. «Торбазов моего товарища нет» Көнмэрукунбанэ эвлэ, көнмэрукунбанэ мэ льэй. «В некоторых местах нет (следов), в некоторых есть».*

Глагол-прилагательное в ремо-предикативной форме

При помощи глагола – прилагательного в предложении подлежащему присваивается какой-то новый качественный признак, либо устанавливается факт наличия данного признака, либо дается качественная оценка тех или иных поступков, пример: *Хомдомоголаалэлдабанэ, чирэмэдиэ Хабанань мони: «Хадьыр мэ чугумуйэк». Когда настала ранняя осень, птичка Плишивому сказала: «Ну, вот быстрым стал – ты»; Сэспэн маалабурба кин лаамэдуок льэнгул. Маархаллэ тороньэй, көнмэгисчэ мэ ньаавэй. По обе стороны двери два щенка привязаны были. Один **черный** (был), другой **белый** (был). Приведенные примеры показывают, что глагол – сказуемое в ремо-предикативной форме имеет характер квалификативного сказуемого, называющего и присваивающего данный признак его носителю: *Мэт мэ чамудьэнг. Тэт мэ чамудьэк. Тудэл мэ чамуонь. Мит мэ чамудьэли. Я большой (был). Ты большой (был). Он большой (был). Мы большие (были)*. Анализируя систему спряжения глаголов – прилагательных, нетрудно установить, что ее показатели полностью совпадают с окончаниями спряжения непереходных глаголов: I форма – *йэн, -йэк, -й, -йэли, -йэмут, ни*; II форма – *чэн, -чэк, -ч, -чэли, -чэмут, -ни*; III форма – *дъэн, -дъэк, -нь, -дъэли, -дъэмут, -ни*.*

Глагол–числительное в ремо-предикативной форме. Глагол – числительное в ремо-предикативной форме несет в предложении новую информацию, например: *Таатльэллэдэ мэ кэвэчэли, йоходилэлэк, ах танабилэк. Уурэн йаюумуйэли, маархан пэлдудиэк йалмасчэнола-*

ал. Потом поехали, лошадыми, автомобилем. Едучи, утроились (тремя-стали), один старик **третьим стал**. Глагол – числительное соответствует в русском языке именному сказуемому с предикативным членом, выраженным словом с количественным значением и связкой «быть», «стать». Он отвечает на вопросы типа: *Мит хамлалуок? «Нас сколько?» Мэт маархадьэн. Я один (был). Тэт маархадьэк. Ты один (был). Тудэл маархуонь. Он один (был). Мит кийуодьэли. Мы двое (были). Тит кийуодьэмут. Вы двое (были). Титтэл кийуолги. Они двое (были).* Глаголы-числительные в юкагирском языке спрягаются как непереходные глаголы и как глаголы – прилагательные. оформляемые окончаниями: **-дьэн, -дэк, -нь, -дьэли, -дьэмут, -ни.**

Предметный глагол в ремо-предикативной форме. Предметный глагол-сказуемое в ремо-предикативной форме в предложении выражает новые знания о носителе данного признака, пример: *Таннигинэ лачидихэйльнэй аариинголнуни. В то время кремневые прутья бьвали.* Предметный глагол представляет собой разряд непереходных глаголов, образованных от основ имен существительных при помощи основы глагола: **-но(л).** В русском языке он соответствует составному сказуемому, образованному существительным с глагольной связкой «быть», «стать». Отвечает на вопросы *Кингодьэк? «Кто-был – ты?».* *Тэт нэмэнэл? – «Ты – кто – был?»* *Көдэнгодьэн. «Человек – был -я».* *Мэт эньюэнгодьэн. Я мать – была.* Предметный непереходный глагол, оформляется личными окончаниями, выражая в предложении модальность утверждения. Предметным непереходным глаголам в ремо-предикативной форме могут противостоять именны формы, образуемые суффиксом **-но (л)**, которые в предложении не выражают модального значения, пример (ЯКЮ): *Умлэ монни: «тэтэк анидьэнгол?»* *Момильан монни: «мэт эландьэнгодьэ».* *Умле сказал: «ты князец?»* *Момильан ответил: «Я не князец».* Таким же важным, как понятие «быть кем (чем)-либо» является понятие «стать кем (чем) либо». Если первое характеризует состояние, то второе характеризует процесс, в результате которого предмет кем (чем)-то стал. Формирование материальных средств, при помощи которых выражается это значение в диалектах юкагирского языка разное, а общим является основа глагола «быть». В языке вадулов (ЯТЮ) понятие “стать кем (чем)-либо” выражается показателем **-нол** – «сделаться, чтобы быть (кем-то или чем-то)»: *Аавэйанэ мэ силнэй, идьинэ йавнэр лэргун лавйэнолаальэнь. Вчера сухой был, сегодня весь берег водой стал.* В языке одулов (ЯКЮ) это понятие выражено аналитическими средствами, при помощи основы глагола **-но** – «быть», оформленной показателем субъекта состояния **-т**, и посредством основы глагола **кудэ** – «стать»: *Мэт эсьиэнот кудэйэ. Я отцом стал.* *Тэт эсьиэнот кудэйэк. «Ты отцом стал».*

Переходный глагол в ремо-предикативной форме. Форма эта отвечает на вопрос: *Тэт нэмэлэ визмэн? «Ты что сделал?»* Содержание этого вопроса относится к действию, соответственно смысловой упор ответа сосредотачивается на глаголе. Грамматически это достигается тем, что сказуемое-переходный глагол оформляется личными окончаниями и префиксом **-мэ**, выражающим утверждение. *Мэт мэ пунинг. Я убил. Тэт мэ пуньмэк. Ты убил. Тудэл мэ пуньым. Он убил. Мит мэ пуньий. Мы убили. Тит мэ пуньимк. Вы убили. Титтэк мэ пуньнга. Они убили.* Следовательно, окончания переходного глагола в ремо-предикативной форме, следующие: **-инг, -мэк, -м, -ий, -мк, -на.** В отрицательно-предикативной форме спряжения переходный глагол в юкагирском языке спрягается как непереходный: *Мэт эл буньдэн. Я не убил. Тэт эл буньдэк. Ты не убил. Тудэл эл бунь. Он не убил. Мит эл буньдэли. Мы не убили. Тит эл буньдэмут. Вы не убили. Титтэл эл буньгу. Они не убили.*

Нередко модальное значение сказуемого ремо-предикативной формы состоит в сообщении о конечной цели действия, которую субъект действия стремится достичь: *Уулбанэн, мэт илэпэ мэ йэдэйинги, йөкэ. Мэтханэ мэ йуонга, мэ көчэгэйинги.* В то время, как шел, мои олени **показались**, далеко. Меня увидели, **убежали**. В следующем примере, чтобы усилить модальное значение достижения цели действия, глагол инверсионно выносится в начало предложения: *Иллэк чаманэн шитнэн уунги. Мэ көткэйинги, тидэ чиица. «На оленях очень долго ехали. Приехали (наконец), к этим людям».*

Ремо-предикативная форма спряжения в аористе путем присоединения к себе различных модальных слов может приобретать разнообразные модальные значения. Так, посредством присоединения модальных слов *маархадьэн, арэй, хадьир* высказывание приобретает дополнительные модальные оттенки *внезапности, удивления* действий: *Арэй, мэр иэрүчэй. «Вдруг, охотиться пошел».* *Хадьир, сэдьирэлэк, мэр айим. «Вот, наконец-то, подкравшись, выстрелил».*

Ремо-объектная форма спряжения

В ремо-объектной форме спряжения выступают только переходные глаголы. Если новая информация в предложении с переходным глаголом-сказуемым в ремо-предикативной форме сосредоточена на сказуемом, то с переходным глаголом-сказуемым в ремо-объектной форме она сосредоточена на прямом дополнении, например: *Совет митинь нимэлэлэ кишмэлэ, лэгулдэньуо кишм. Сельсовет нам письмо дал и пишу дал.* Сказуемое *кишмэлэ «дал»* – стоит в ремо-объектной форме спряжения, потому что перед ним стоит прямое дополнение, которое является рематическим центром предложения. Глагол-сказуемое в этой форме спряжения входит в состав рематического предложения на правах ослабленного сказуемого, примыкающего к рематическому центру сообщения, представленного прямым дополнением. Сказуемое *кишм «дал»* стоит в ремо-предикативной форме спряжения, так как прямое дополнение, стоящее перед ним, является темой предложения, а ремой является действие «дал». Переходный глагол в ремо-объектной форме спряжения имеет следующие окончания: *-МЭН, -МЭК, -МЭЛЭ, -Л, -МК, -НУМЛЭ.*

Нередко модальное значение сказуемого ремо-предикативной структуры предложения состоит в сообщении о конечной цели действия, которую субъект действия стремится достичь, например: *Уулбанэн, мэт илэпэ мэ йэдэйгц, йөкэ. Мэ көткэйги, тидэ чииба. «На оленях очень долго ехали. Пришли к этим людям. «Мэ көткэйги», чтобы усилить модальное значение достижения цели действия инверсионно вынесен в начало предложения.*

Заключение

Таким образом, настояще-прошедшее время (аорист) в юкагирском языке представлено в 3-х формах глагола-сказуемого: ремо-субъектной, ремо-предикативной и ремо-объектной. В формах спряжения глагол-сказуемое может приобретать дополнительный модальный оттенок, например, в ремо-субъектной форме спряжения ослабленное сказуемое сигнализирует о действии необычном, неожиданном. Действия–состояния, обозначаемые настояще-прошедшим временем изъявительного наклонения в ремо-субъектной форме спряжения по своим обнаруживаемым в момент речи результатам, в некоторых случаях, могут восприниматься говорящим лицом с удивлением, модальным отношением неожиданности, необычности. При этом настояще-прошедшее время, как и другие временные формы, может сочетаться с модальными словами и модальными наречиями. Глагол-сказуемое в ремо-предикативной форме спряжения обладает репрезентативно-номинативной функцией, т.е. является смысловым центром высказывания, заключающего в себе важную (новую) информацию. В контексте предикат данной формы раскрывает характеризующие подлежащее признаки и ситуацию. Основное значение предиката состоит в утверждении реальности ситуаций. Грамматически для этого он оформляется препозиционной частицей *-мэ* со значением утверждения и личными окончаниями. Предикат данной формы может представлять собой также самостоятельное высказывание.

Ремо-предикативная форма спряжения в настоящем-прошедшем времени, путем присоединения к себе различных модальных слов, может приобретать разнообразные модальные значения, выражая внезапность действия и заостряя внимание слушателя. При употреблении модальных слов высказывание может приобретать дополнительные модальные оттенки.

В ремо-объектной структуре предложения сказуемое служит для проявления значения актуализированного прямого дополнения. В данной форме спряжения глагол в зависимости от значения основы глагола может приобретать разнообразные модальные оттенки: сожаления, досады, осуждения по поводу уже состоявшегося действия, возмущения, одобрения, удовлетворения и т.д.

Литература

1. Золотова Г.А. Синтаксические основания коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. – 1988. – № 4. – С. 52-58.
2. Ермолаева Л.С. Типология системы наклонения в современных германских языках // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 87-107.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – 412 с.
4. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М., 1958. – 434 с.
5. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. Т. 2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 38-79.
6. Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера, ч. III. – М.-Л.: Учпедгиз, 1934. – С. 149-180.
7. Крейнвич Е.А. Юкагирский язык. Л.: Наука, 1958. – 288 с.
8. Крейнвич Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку, Л.: Наука, 1982. – 304 с.
9. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания, 1961, №1. – С. 80-106.
10. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык. Якутск: Офсет, 2006. – 280 с.
11. Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык // Языки мира: Палеоазиатские языки. – М.: Наука, 1997. – С. 155-168.
12. Хлебникова И.Б. Сослагательное наклонение в английском языке: (Как общелингв. пробл.): учебное пособие / КГПИ им. М.И. Калинина. – Калинин, 1971. – 174 с.

References

1. Zolotova G.A. Sintaksicheskie osnovanija kommunikativnoj lingvistiki // Voprosy jazykoznanija. – 1988. – № 4. – S. 52-58. (In Rus.)
2. Ermolaeva L.S. Tipologija sistemy naklonenija v sovremennyh germanskijh jazykah // Voprosy jazykoznanija. – 1977. – № 4. – S. 87-107. (In Rus.)
3. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955. – 412 s. (In Rus.)
4. Budagov R.A. Vvedenie v nauku o jazyke. – M., 1958. – 434 s. (In Rus.)
5. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom jazyke // Trudy instituta rusckogo jazyka. T. 2. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – S. 38-79. (In Rus.)
6. Iohel'son V. I. Odul'skij (jukagirskij) jazyk // Jazyki i pis'mennost' narodov Severa, ch. III. – M.-L.: Uchpedgiz, 1934. – S. 149-180. (In Rus.)
7. Krejnovich E.A. Jukagirskij jazyk. L.: Nauka, 1958. – 288 s. (In Rus.)
8. Krejnovich E.A. Issledovanija i materialy po jukagirskomju jazyku, L.: Nauka, 1982. – 304 s. (In Rus.)
9. Kolshanskij G.V. K voprosu o sodержanii jazykovoj kategorii modal'nosti // Voprosy jazykoznanija, 1961, №1. – S. 80-106. (In Rus.)
10. Kurilov G.N. Sovremennyj jukagirskij jazyk. Jakutsk: Ofset, 2006. – 280 s. (In Rus.)
11. Nikolaeva I.A., Helimskij E.A. Jukagirskij jazyk // Jazyki mira: Paleoaziatskie jazyki. – M.: Nauka, 1997. – S. 155-168. (In Rus.)
12. Hlebnikova I.B. Soslagatel'noe naklonenie v anglijskom jazyke: (Kak obshhelingv. probl.): uchebnoe posobie / KGPI im. M.I. Kalinina. – Kalinin, 1971. – 174 s. (In Rus.)

